

Лекция №5. Тема: **В предчувствии перемен. Почвенники**

План:

1. А. А. Григорьев
2. Н. Н. Страхов
3. Н. Я. Данилевский
4. К. Н. Леонтьев
5. Ф.М. Достоевский
6. Л.Н. Толстой

Почвенники

Развитие западничества шло от высокого гуманизма либерального оттенка к социализму с нигилистическим уклоном. В развитии славянофильства также происходила трансформация. Если для ранних славянофилов национализм был подчинен православию, то для их позднейших эпигонов национальный момент, вольно или невольно, выдвигался все более на первое место.

Переходной стадией между классическими и позднейшими славянофилами являются так называемые "почвенники", главными представителями которых были критик Аполлон Григорьев, философ Н. Страхов и Достоевский в своем качестве публициста.

1. А. А. Григорьев

Критик Аполлон Григорьев (1822-1864) был славянофильской ориентации, но слишком многое в традиционном славянофильстве было для него неприемлемым, в силу чего течение, которого он придерживался, нужно выделить особо. Больше всего возражений вызывали у Григорьева эксцессы православно-русского мессианизма, хотя он сам был патриотом и апологетом православия. Но он был против чрезмерных претензий на всемирно-историческую миссию России. По мнению Григорьева, нам надо быть в этом отношении много скромнее. Сохраняя и развивая свою "русскость", неразрывно связанную с православием, нам не надо претендовать на спасение всего человечества православной идеей. В этом мессианизме Григорьев видел даже не древнерусское, а скорее современное - гегелевское наследие.

Против гегелианства Григорьев защищает "автономию народного начала", или "близость родной почве" (отсюда и название - "почвенники"). "Почва - это есть глубина народной жизни, таинственная сторона исторического движения". В духе своего "почвенничества" и в согласии с Шеллингом, поклонником которого он был, Григорьев любил подчеркивать "органичность" народной жизни и вообще всячески выдвигал идею "органической целостности". Но эта "органичность" имела для него скорее высший духовный, чем биологический, смысл. Ведь он воспитал себя на Шеллинге, и "трансцендентальная закваска" была сильна в нем. В этом духе нужно понимать такие его изречения, как "Все идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального". Недаром он сам говорил: "С чего бы я ни

начинал, я всегда приду к одному - к глубокой, мучительной потребности верить в идеал и в потустороннее".

В этом же духе следует понимать и мысли Григорьева об искусстве (которые оказали некоторое влияние на идеи об искусстве Достоевского). "Одно искусство, - говорит он, - воплощает в своих созданиях то, что неведомо присутствует в воздухе эпохи". "Я верю вместе с Шеллингом, - говорит он в другом месте, - что бессознательность придает произведениям творчества их неисследимую глубину". Даже русский быт Григорьев ценил именно за эту "органичность". По его мнению, не только крестьянство, но и купечество сохранило православный уклад жизни. За яркое художественное изображение купеческого быта он особенно ценил Островского.

Соглашаясь с ранними славянофилами в том, что смирение и дух братства составляют отличительные черты русского православного духа, Григорьев обращал внимание и на другие русские черты, недостаточно отмеченные славянофилами, на "широту" русского характера, на его размах - черту, которая была несколько позднее выражена близким почвенникам поэтом Алексеем Толстым:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча...

Сам Григорьев был "широкой русской натурой". Он то запирался днями и ночами, лихорадочно работая, то "прожигал" жизнь в кутежах. Он превосходно играл на гитаре и был автором таких популярных романсов, как "Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная..." и "Две гитары за стеной жалобно заныли". Умер он рано, в возрасте 42 лет, от последствий невоздержанной жизни.

2. Н. Н. Страхов

Соратник и союзник Григорьева Николай Николаевич Страхов (1828-1896) человек совсем иного склада. Он был профессиональный философ. Одно время он был другом Достоевского и состоял как бы "философским информатором" великого писателя. Страхов не создал сколько-нибудь законченной системы. Но он был глубоко и разносторонне образованным философом и литературным критиком, одним из самых высококультурных людей своего времени.

Его критические соображения отличались глубиной и меткостью. Вообще Страхов человек "классического" склада. По его собственным словам, он больше всего любил в жизни "логику, добродетель и хороший слог". Он был страстным поклонником Л. Толстого, хотя и не был ортодоксальным толстовцем, и сам Толстой ценил его чрезвычайно высоко. Страхов первый оценил эпохальное значение "Войны и мира" Толстого и был ближайшим другом великого писателя.

Главное философское произведение Страхова "Мир как целое" интересно тем, что он делает здесь нематериальные выводы из данных естествознания, что в то время (шестидесятые годы) было "вызовом эпохе".

Страхов проводит в нем идеи об органичности и иерархичности мира, видя в человеке "центральный узел мироздания".

Свои главные полемические стрелы Страхов направляет против "просвещения" (самый этот термин введен им), то есть против веры во всемогущество человеческого рассудка, против идолопоклонства перед естественными науками, не осмысленными философским синтезом, против материализма и утилитаризма (сам Страхов был силен в области биологии). Весь этот комплекс идей, входивший тогда в моду в России, Страхов считает порождением Запада с его культом безбожной цивилизации, не освещенной религиозным миропониманием.

"Нет, это безумие имеет своим источником, - писал он, - не любовь к людям, которую они осмеливаются писать на своем знамени, а именно бессердечие, отсутствие истинного добра, нравственную слепоту. Это не живое, теплое стремление сердца, а, напротив, отвлеченная жесточенность, холодный головной порыв". Страхов правильно усматривает в корне этого идолопоклонства цивилизации "безумие рационализма", слепую веру в разум, заменившую истинную веру в религиозный смысл жизни.

"Эти скептики, - продолжает он, - в одном только никогда не сомневаются - в силе своего собственного разума... между тем, их вера в разум - слепая и фантастическая... теперь самый последний тупица возомнил, что он может стать наряду с первыми светочами человечества... Они бродят в ужасных потемках, воображая, что их окружает свет и что даже они сами - носители этого света".

Страхов правильно видит в религиозной пустоте главный первоисточник кризиса. "Легче человеку поклониться злу, чем остаться вовсе без предмета поклонения", - пишет он. В этих словах нельзя не видеть глубокого проникновения, даже предвосхищения сущности нарождавшихся в его время "бесчеловечных идеологий". Далее Страхов бросает меткое замечание, особенно применимое и к теперешним временам: "Потребность действовать в современном человеке иногда даже сильнее, чем потребность верить, и поэтому он даже жертвует собой тому, во что почти не верит". "Люди не одумаются и не остановятся, - продолжает он, - до тех пор, пока не изживут нынешних понятий и на деле, в жизни, не испытают того, к чему ведут их теперешние желания. Поэтому можно предвидеть внешние бедствия, страшные потрясения. Люди долго будут слепы и не будут внимать самым ясным урокам, самым горьким опытам". Эти слова звучат пророчески, и они оправдались на деле. При этом, как тонко замечает далее Страхов, болезнь эта (имеется в виду "просвещение") постоянно культивируется теми самыми людьми, которые приходят в непритворный ужас от ее злокачественных проявлений.

Страхов считал, что единственным противоядием против заразы "просвещения" является живое соприкосновение с родной почвой, с народом, сохранившим, по его убеждению, в своем быту здоровые религиозно-моральные начала. Страхов ошибался, заодно со славянофилами, в том, что болезнь "просвещения" есть специфически западная болезнь.

В общей перспективе развития русской общественной мысли Страхов явился промежуточным звеном между позднейшими славянофилами и русским религиозно- философским ренессансом.

3. Н. Я. Данилевский

Николай Яковлевич Данилевский еще в 60-х годах выступил с примечательной книгой "Россия и Европа", которая сразу же привлекла к себе внимание и скоро стала как бы катехизисом позднейшего славянофильства. Он был первым историком, отрицавшим универсальность культур вообще и универсальность западной культуры в частности. Согласно его учению, существует множество культурных организмов, которые он называл "культурно-исторический типами".

Человечество, по мнению Данилевского, - только абстрактная идея. Реально существуют лишь культурно-исторические типы, которых он насчитывает восемь: *египетский, китайский, ассиро-вавилонский, еврейский, греческий, римский, романо-германский и славяно-русский*. Всякие разговоры о превосходстве той или иной культуры, по его мнению, беспредметны: культурно-исторические типы не лучше и не хуже друг друга, а только отличны друг от друга. Поэтому Данилевский считает необоснованными и ненаучными притязания ранних славянофилов на превосходство православной русской культуры над католически-протестантской цивилизацией. *Древние цивилизации он называет "одноосновными", так как в них была развита одна только сторона культуры. Так, еврейская цивилизация была по преимуществу религиозной, греческая - эстетически-научной, римская - политически-правовой. Романо-германская цивилизация - трехосновная, ибо в ней представлены и религиозное, и эстетическое, и политико-правовое начала. Грядущая же славяно-русская цивилизация будет первым полным четырехосновным культурно- историческим типом: 1) религиозным, 2) научным, творческим в искусстве, технологическим, индустриальным, 3) политическим, 4) экономическим и общинным (гл. XVII). Россия, по его убеждению, призвана к тому, чтобы разрешить социально-экономический вопрос, оставшийся неразрешенным в романо-германской цивилизации.*

С первых же страниц "России и Европы" Данилевский ставит вопрос: почему Запад так ненавидит и презирает Россию? Почему Запад считает русских чуть ли не переодетыми татарами? Почему иностранцы впадают в столь грубые ошибки, когда они начинают говорить о России? Разбирая один за другим западные предрассудки в отношении русских, Данилевский отвечает на них утверждением, что Запад чувствует в русских начала иной цивилизации, которая, как инстинктивно ощущают западные деятели, рано или поздно придет на смену Западу. Неправый в своих объективных будто бы доводах о неполноценности русских, Запад прав в том отношении, что он предчувствует, что Россия придет ему на смену, и преисполняется рессентиментом (чувством вражды, бессильной злобы) по отношению к ней.

Идеи Данилевского были подхвачены в XX веке Освальдом Шпенглером ("Закат Европы"), который развил их с большей глубиной и

литературной убедительностью. Шпенглер и Тойнби пошли дальше Данилевского, то он все же явился пионером современной историософии.

Кроме "России и Европы", Данилевский написал работу "Опровержение дарвинизма". Книга эта, вышедшая в эпоху поголовного увлечения Дарвином, содержит критику основных обобщений дарвинизма.

4. К. Н. Леонтьев

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) был одним из самых блестящих стилистов в истории русской мысли. К тому же Леонтьев глубоко и оригинально развил идеи Данилевского, обогатив их своими собственными концепциями. Поэтому он заслуживает особого места в истории русской мысли. Врач по образованию, Леонтьев большую часть жизни посвятил дипломатической службе. По натуре он был утонченный эстет и эпикуреец. В то же время это глубоко и истово религиозный человек. Борьба эстета с монахом составляет главную личную драму его жизни.

В 70-е годы, в бытность его в Константинополе, Леонтьев издал сборник своих статей под заглавием "Россия, славянство и Европа". Книга эта сразу обратила на себя внимание оригинальностью идей автора и блеском изложения. Тем не менее, критика приняла его книгу холодно: слишком уж она шла вразрез с народническими увлечениями эпохи. Признание пришло к нему уже после смерти.

В 70-х годах Леонтьев переживает большой кризис. Из утонченного эстета-эпикурейца он становится глубоко верующим человеком. Он несколько раз посещает Афон и Оптину Пустынь и выражает даже желание постричься, но монахи отговаривают его, советуя продолжать свое творчество "во славу православия". Так он и прожил вторую часть своей жизни "около церковных стен". Леонтьев разделял учение Данилевского о множестве "культурно-исторических типов", но значительно видоизменил это учение и внес в него много своих поправок.

Леонтьев пытался прежде всего установить законы созревания и гибели культуры. По его учению, каждая культура проходит через три периода: "первоначальной простоты", "цветущей сложности" и, наконец, умирания (через "вторичное упрощение") в процессе "уравнительного смешения".

Второй период - цветущей сложности - характеризуется дифференциацией частей, при интеграции и единстве целого. Это есть период социального неравенства, образования элиты - сначала родовой аристократии, переходящей затем в культурную элиту. Период же смесительного упрощения характеризуется им как стремление ко всеобщему равенству и демократизации, которое имеет своим результатом расцвет техники, умирание искусства, опошление жизни, замену воли к положительному творчеству ценностей волей к механическому использованию работы и жаждой удовольствий. Одним словом, Леонтьев имеет здесь в виду различие, проведенное позже Шпенглером, - между "культурой" и "цивилизацией", которая, как и по мнению Шпенглера, является для него симптомом умирания культуры. Особенно интересны те

выводы, которые Леонтьев делает из этих общих положений, применяя их к взаимоотношению Европы и России. По мнению Леонтьева, Западная Европа закончила к началу XIX века период "цветущей сложности" и находится на пути "эгалитарного процесса", т. е. умирания культуры. Демократизация жизни и успех "уравнительных" идей толкуются им как симптомы этого духовного разложения.

Россия же, как считает Леонтьев, еще не достигла периода культурного расцвета. Поэтому влияние западных уравнительных идей может оказаться для России смертельным ядом, который погубит ее прежде, чем она сумеет найти самое себя. В этом Леонтьев продолжает славянофильскую линию. Однако в отличие от славянофилов он положительно расценивает западное влияние на Россию до конца XVIII века, когда сама Европа, по его мнению, находилась в периоде своего расцвета. Поэтому Леонтьев славословит Петра Великого и Екатерину II. Зато с тем большим негодованием восстает он против современного ему, обуржуазенного и зараженного духом социализма Запада.

Леонтьев обращался к первоисточнику православия, к древней Византии, культуру которой он высоко ценил и считал ее образцом для России. Для него византийское православие составляет душу России. Национализм же, в том числе русский национализм, он считал вредной западной идеей. Единство православной культуры он ставил выше "славянского мяса" и высказывал мысль, что нации сильны своей преданностью определенным религиозно-культурным традициям, а не голым самоутверждением. "Славянское предназначение слишком бедно для нашего русского духа", - писал он.

В чем же заключается содержание столь ценимого им византийского православного идеала? Леонтьев дает на это прямой ответ. "Византизм в государстве означает самодержавие. В религии он означает христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. *В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом, знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в способности нашей к полному нравственному совершенству. Знаем, что византийский идеал отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов, что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного вседовольства*". Как видно отсюда, византийский идеал Леонтьева с его монашески-аскетическим, смиренным христианством и с его суровой апологией самодержавной власти является полной противоположностью идеалам демократии и социализма, основанным, по убеждению Леонтьева, на вере в "земной рай", на высокой оценке личности и культе всеобщей пользы. Леонтьев был из тех, кто верил в Бога, но отрицал царство Божие на земле, - поэтому он люто ненавидел тех, кто верил в царство Божие на земле, но отрицал Бога. Леонтьеву, воодушевленному византийским

идеалом, самая идея "земного рая" кажется кощунственной, к тому же - ненаучной и антиэстетической.

Вряд ли во всей истории русской и мировой мысли найдем мы столь откровенную и пламенную ненависть к тому царству всеобщего мещанства, которое составляет, по убеждению Леонтьева, настоящий объективный смысл того, что он называл "эгалитарным процессом", - западного идолопоклонства всеобщей пользы и земного рая. В своей ненависти к мировому мещанству Леонтьев как бы заключает союз с западником Герценом, против которого он боролся, но которого уважал. "Разочарованный славянофил" подает здесь руку разочарованному западнику. Но даже герценовское отвращение от западного мещанства бледнеет по сравнению с леонтьевскими страстными признаниями в ненависти и апокалиптическими проклятиями.

"Тот слишком подвижной строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипированный прогресс XIX века, очень непрочен. Он должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и совсем уже не либеральных, а крайне принудительных началах. Быть может, явится рабство в новой форме..." В этих словах нельзя не видеть предчувствия появления фашизма и, конечно, большевизма.

Под конец жизни Леонтьев все более терял свою веру в особый путь России как православной державы и в то, что ей суждено сказать свое новое, положительное слово в истории мировых культур. Параллельно этому он все больше проникался убеждением, что именно ненавистному его сердцу социализму принадлежит ближайшее будущее. Однако он предсказывал, что вместо освобождения и равенства, начертанных на его знаменах, социализм принесет новое рабство и новое неравенство.

"Социализм теперь неотвратим, - писал он, в противоречии со своими прежними убеждениями, в 80-х годах, - по крайней мере, для некоторой части человечества... но эти будущие победители устроят такую жизнь, что их порядки и законы будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, далее страшнее. Жизнь будущих людей должна быть гораздо тяжелее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях".

"Человеку нужен опыт, - восклицает он в другом месте, - он на опыте убедится, что прогресс равномерного счастья невозможен и что он лишь подготовит почву для нового неравенства и новых страданий. И он будет!" Но особенно интересны предсказания Леонтьева о будущем России. В первый период своего творчества он еще разделял славянофильскую идеологию Данилевского. Тогда, в семидесятые годы, он писал: "Россия - великий Восток. Она должна явить небывалую по своеобразию цивилизацию, противоположную мещанству Запада". Но уже в 80-е годы неудержимое увлечение огромного большинства русской интеллигенции "западными идеями" поселяет в душе Леонтьева сомнения в великой будущности России. Он начинает разочаровываться в реальности для России византийского

идеала. "Молодость наша сомнительна, - пишет он. - Мы прожили много, сотворили мало и стоим у какого-то страшного предела". И дальше: "Сомнительна долговечность ее (России) будущности, загадочен смысл этой несомненной будущности, его идея... при всем желании думать так, как я думал прежде (то есть заодно с Данилевским), начинаю все более колебаться".

Как и Достоевский, Леонтьев как бы слышал подземный гул надвигавшейся на Русь революции. Он совершенно не разделял розовых надежд наших либералов на благополучный исход такой революции и прямо предсказывал, что революция ввергнет Россию в бездну неисчислимых бедствий и прямо говорит: "Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для произведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса противу богатых... для новой, ужасной, может быть, пугачевщины..." Мало того, он чувствовал, что именно в России будет совершаться антихристово дело: "Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по пути всесмешения и, кто знает, - подобно евреям, не ожидавшим, что из недр его выйдет Учитель новой веры, - мы неожиданно, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом безгосударственных... родим Антихриста".

И наконец, его последние, поистине страшные слова: "Окончить историю, погубив человечество, разлитием всемирного равенства... сделать жизнь человеческую уже окончательно невыносимой - не в этом ли уготовано наше предназначение".

Этапы общего пути развития славянофильства, в свете идей Леонтьева, представляются следующим образом. Сначала - утверждение русского православия как универсально-спасительной идеи (Жиревский), затем - через утверждение "родной почвы" (А. Григорьев) к утверждению полного обособления России от Запада (Данилевский). Наконец, попытка возврата к Византии и страшные предчувствия гибели России и всего человечества (Леонтьев).

5. Ф. М. Достоевский (1821-1881)

Достоевский принадлежит к "почвенникам" - этому умеренному крылу славянофильства. Однако рассматривать Достоевского как одного из "почвенников" или "религиозных народников" значило бы снижать значение мира идей писателя. Значение Достоевского как религиозного мыслителя выходит далеко за пределы не только "почвенничества", но и всей русской общественной мысли. "На приказ Петра Великого образоваться Россия ответила через сто лет колоссальным явлением Пушкина", - сказал Герцен. И на Пушкина она ответила через четверть века гением Достоевского.

Весь мир героев Достоевского, при всем соблюдении формального художественного реализма, фантастичен и, при всей фантастичности, реален в высшем смысле этого слова. "Меня называют психологом, тогда как я только реалист в высшем смысле", - писал он. Смешение фантастического и

до тривиальности реального - один из излюбленных художественных приемов Достоевского. Недаром он говорит, что "правда всегда неправдоподобна".

Достоевский до всякого психоанализа показал, насколько неправомерен "просвещенский" миф о человеке как о существе якобы по преимуществу разумном; он показал, насколько сильны в нем разрушительные, демонические силы подсознания. Недаром он вкладывает в уста Лебедева в "Идиоте" слова: "Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве". Но в отличие от Фрейда Достоевский не растворяет человеческую личность в стихийно-хаотических силах подсознания. Он всегда дает понять, что человек, хотя и одержим темными силами, все же остается личностью, морально ответственной за всякое свое сознательное или даже бессознательное проявление. Достоевский открывает в душе человека не только подсознание, но и мир сверхсознания - источник вдохновения, добра: "...да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных", - говорит старец Зосима.

Темами Достоевского живет русская философия, и темы эти, после Ницше и экзистенциализма, а главное, после большевистской революции, стали родственными философии Запада. Достаточно упомянуть, что все философы-экзистенциалисты (особенно Сартр) видят в Достоевском своего великого предшественника.

Для понимания мира идей Достоевского нельзя не коснуться хотя бы некоторых моментов его биографии. Крайне поучительна в этом отношении история, перерождения его убеждений. Как известно, Достоевский был возведен на литературный пьедестал Белинским, восторженно приветствовавшим литературный дебют писателя роман "Бедные люди" как "первый русский социальный роман".

Знаменитый критик находился тогда в периоде увлечения социализмом и атеизмом. Белинский с жаром принялся обращать молодого писателя, которому он пророчил большую будущность, в свою веру. Достоевский, по его собственным словам, "страстно принял тогда это учение" (то есть утопический социализм). Достоевский был принят в кружке Белинского не только как обещающий талант, но как убежденный социалист. Разойдясь затем с Белинским по причинам личного характера, Достоевский вступает в другой, более активный, кружок Петрашевского, поклонника Прудона. На одном из собраний этого кружка Белинский зачитал запрещенное цензурой свое письмо к Гоголю, в котором критик обвинял писателя в потворстве реакции. Письмо это называли тогда манифестом русского крайнего западничества, оно дышит ненавистью не только к самодержавию, но и к религии.

Кружок Петрашевского был раскрыт, и Достоевский, вместе с группой других "петрашевцев", приговорен к смертной казни. В последнюю минуту казнь была заменена ссылкой с последующим разжалованием в рядовые. На каторге Достоевский провел пять лет и жил затем еще около пяти лет на положении ссыльного. Лишь в 1860 г. ему было разрешено

вернуться сначала в Тверь, а затем в Петербург. Достоевский прошел через все эти испытания несломленным, с новой силой к жизни и борьбе. И тем не менее Достоевский не только отрекся от своих прежних убеждений, но посвятил все могучие силы своего художественного и философского гения борьбе против этих прежних убеждений. Что это "перерождение убеждений" было искренним, в этом можно не сомневаться. Ведь кто-кто, а Достоевский не принадлежал к натурам, которые можно было бы сломить грубым насилием.

Страстное обличение противоестественности и аморальности социализма становится теперь главным делом Достоевского как мыслителя и как публициста. Достоевский потому отверг социализм, что за его возвышенным фасадом он увидел некую страшную сердцевину, что за относительной правдой социализма он увидел его абсолютную ложь. Но ревизия Достоевским его прежних убеждений, конечно, не исчерпывается критикой социализма. Сам атеистический социализм является, по прозрению писателя, лишь одной из форм общего недуга западной культуры. Сам Достоевский не нашел точного имени этому недугу, но он глубже, чем кто-либо, постиг его природу. Главное значение Достоевского как философа заключается в том, что он пророчески предвидел кризис и крушение безбожного гуманизма, неизбежно оборачивающегося антигуманизмом, что он предвосхитил соблазны, угрожающие ныне всему зданию христианской цивилизации - незримые тогда еще пути зла: стяжательство и индивидуализм. Разоблачению этих двух форм социального идолопоклонства и посвящено идеологическое творчество Достоевского.

В противовес индивидуализму Достоевский показывает, что беспредельная свобода ведет к богоборчеству, к формуле "все дозволено", к аморальной морали сверхчеловечества, приводящей личность, парадоксальным путем, не к возвеличению, а к нравственному саморазрушению. В силу мистической связи человека с Богом, богоборчество приводит также к человекоборчеству. Человек, восставший против образа Божьего в себе, восстает этим самым и против своей сокровенной сущности. Этой борьбой на два фронта объясняются кажущиеся противоречия в мировоззрении Достоевского: крайнее утверждение свободы, с одной стороны, и разоблачение соблазнов свободы - с другой.

В "Преступлении и наказании", Достоевский разоблачает "соблазны свободы". На примере Раскольникова Достоевский показывает, к каким выводам может прийти человек, до конца проникнувшийся идеями об относительном характере нравственности и лишившийся, таким образом, твердой нравственной опоры в голосе своей совести. Главный герой романа - Родион Родионович Раскольников. В воспаленном от голода и бессонных ночей мозгу героя рождается идея, что, если убить "никому ненужную" паразитку общества - старуху-процентщицу, с тем чтобы воспользоваться ее деньгами как для устройства личной судьбы, так и для помощи людям? Не оправдает ли себя в тысячу раз это "преступление ради добра"? Из этих раздумий выросла знаменитая теория Раскольникова о "праве на

преступление" для людей, стоящих по своему развитию выше толпы. Теория эта предвосхитила основные контуры учения Ницше о "сверхчеловеке". Но, разумеется, в отличие от Ницше Достоевский не становится на сторону этой сверхчеловеческой философии, а разоблачает ее аморальность.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что убийство старухи замышляется Раскольниковым из принципа, а отнюдь не по мотивам личной выгоды. Он идет на это убийство как на своего рода подвиг, которому противится его изначально неиспорченная натура. Его "теоретическая совесть" приказывает ему убить старуху. Но - тем глубже его вина, тем глубже его падение. Его разум, ослепленный построенной им теорией, разрешает ему убийство, на которое он идет, как бы толкаемый какой-то внешней силой, чуть ли не автоматически. *Разум Раскольникова внушает ему, что, решившись на это убийство, он освободится от "предрассудков" и станет чем-то вроде Наполеона. Но - странная вещь: совершив убийство, он отнюдь не переживает чувства освобождения, а начинает испытывать чувство во сто крат худшее, чем обычные угрызения совести. Его охватывает "мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения" от людей. Он не рад даже любимым матери и сестре. Ему не по силам нести бремя сверхчеловеческой свободы, которое он добровольно взвалил себе на плечи. "Не старушонку я убил, я себя убил", - говорит он.* Мистический узел его существа, который мы именуем условно душой, точно соединен неощутимой связью с мистическим узлом другого существа, внешнюю форму которого он разбил. Здесь, в этом анализе преступности, разгадана глубочайшая тайна человеческой природы, раскрыт великий и священный закон об абсолютности человеческого существа".

"Совесть без Бога есть ужас, - писал Достоевский в своей "Записной книжке". - Она может довести человека до величайшего преступления". Ибо, "ведь это разрешение преступить через кровь по совести страшнее обычных преступлений", - говорит в самом романе Разумихин.

Здесь мы видим, как провозглашенный гуманизмом лозунг "свободы совести" приводит, будучи односторонне понят, к "свободе от совести". Зло никогда не овладевает человеческой душой прямо. Оно всегда соблазняет той или иной маской добра. *И один из самых могучих соблазнов зла заключается во внушении мысли о применении злых средств ради достижения доброй цели. (Добро с кулаками.)*

В романе "Бесы" нарождающееся зло богоотвержения изображено Достоевским с потрясающей силой. Здесь уже не только бунт против нравственного закона, но прямой бунт против Творца является главной темой. Он и был задуман как художественное обличение той части русской интеллигенции, которая стремилась к революционному перевороту в духе радикального социализма. Конкретным поводом к написанию романа явилось раскрытие заговора революционного кружка "нечаевцев", этих предтечей большевизма. Кружок этот и стал жизненным прототипом той группы революционеров, которая изображена в романе во главе с Петром Верховенским.

Роман вышел далеко за пределы изобличительного изображения современной ему действительности. В него вошла часть неосуществленного Достоевским романа "Атеизм", где он хотел вскрыть первопричины и сущность неверия. Если в "Записках из подполья" Достоевским обличается, главным образом, противоестественность утопии человеческого муравейника, то в "Бесах" он идет дальше. Утопия эта, при всей ее противоестественности, начинает представляться ему принципиально осуществимой. Она преподносится пророческому гению писателя как реальная опасность, угрожающая человечеству. С мистическим ужасом обличает Достоевский аморальность этого "идеала", теоретическим глашатаем которого в "Бесах" выступает Шигалев, а практиком и организатором - Петр Верховенский. При этом он сумел разгадать за розовым туманом либеральных чаяний подлинный, сатанинский лик грядущей революции. Эта "диалектика свободы", не освященной служением высшим ценностям, это вырождение свободы в рабство показаны у Достоевского в теории Шигалева. "...Я запутался в собственных данных... Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом", - говорит Шигалев перед изложением своей теории, обещающей "единственно возможный рай на земле". Она выражает собой также диалектику безбожного гуманизма, понимающего свободу только как право человека и не видящего, что *подлинная свобода неразрывно связана с нравственной ответственностью и предполагает, как это ни парадоксально, смирение перед Верховной Ценностью. Ибо заявление абсолютной свободы делает человека рабом гордыни и беса властолюбия.*

Сущность "шигалевщины" в изложении Петра Верховенского, этого предтечи большевистского комиссара выглядит следующим образом: "...каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, и все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях - клевета и убийство, а главное - равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям - не надо высших способностей. Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство... Горы сравнять - хорошая мысль..." Пророчества эти не нуждаются более в обосновании. Они оправдались дословно. Достоевский действительно явился пророком русской революции, хотя в своих публицистических статьях пророчил революцию Европе.

В изобретенном им слове "человекобог" Достоевский подводит итоги диалектике гуманизма. Позднее слово безбожного гуманизма, в его понимании, это - человекобог. И последняя борьба в мире будет происходить между человекобогом и Богочеловеком. Итак, зло безбожного коллективизма и богоборческого индивидуализма были с предельной силой изображены в

романе "Бесы", этой величайшей в мировой литературе трагической мистерии зла.

Нет другого произведения, до такой степени пропитанного презрением к человеку и духом сверхчеловеческой гордыни, как "Легенда о Великом Инквизиторе" в Братьях Карамазовых. Якобы в защиту слабых духом людей, которым не по плечу царственный дар свободы, и выступает против Христа Великий Инквизитор. Он излагает сошедшему на землю Христу свой план "осуществления рая на земле без Бога", путем умерщвления в человеке инстинкта свободы, так, чтобы он субъективно свободно ощущал свое объективное рабство. Инквизитор выступает как будто по мотивам человеколюбия, он говорит как настоящий "гуманист". "Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных... нам дороги и слабые... Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешишь слабосильной природе его, хотя бы и грех, но с нашего позволения?" Ради любви к человечеству Инквизитор жертвует свободой человеческой воли. Но к этому "човеколюбию" примешана и сверхчеловеческая гордыня. "И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч, управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла... и царство наше созиждется".

В "Инквизиторе" скрещиваются соблазны сверхчеловеческой свободы и коллективистического рабства. Подлинное лицо безбожного гуманизма раскрыто здесь Достоевским в его двух внешне противоположных, но внутренне родственных обликах.

Но Алеша правильно угадывает подлинные, подсознательные мотивы логики Инквизитора, *"Инквизитор твой не верует в Бога..." - говорит он Ивану. Сам Инквизитор признается Христу: "мы не с Тобой, а с ним"*. С ним - со страшным духом небытия и самоуничтожения! Так, противоречие между целью и средством приводит к бессознательной вначале подмене цели средством, и тогда неизбежно под маской добра человек становится проводником сил зла. В "Легенде" Достоевский дал вечный прообраз тоталитарной диктатуры, составляющей проклятие нашего времени.

Достоевский предвидел, что возвышенный атеизм Ивана Карамазова, "почтительнейше возвращающего свой билет Богу", не сможет удержаться на своей горделивой высоте и неизбежно порождает из себя лакейский атеизм Смердякова. Однако Смердяков последовательнее Ивана. Он резюмирует сущность атеистической утопии своего учителя в словах: "Если Бога нет бессмертного, то нет и никакой добродетели", и тогда "все дозволено".

В "Братьях Карамазовых" Достоевский разоблачает утопию атеизма, видя в одержимости этой утопией трагедию, оставляющую непримиренными разум и совесть и порождающую из себя Смердяковых.

Не питающееся божественным вдохновением человеколюбие легко вырождается в человеконенавистничество. Проникновенные слова на эту тему можно найти у того же Достоевского в романе "Идиот":

"Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного", - жалуется один удалившийся мыслитель. "Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного". "Не верю я, гнусный Лебедев, телегам, подвозящим хлеб человечеству! Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было... уже был Мальтус, друг человечества. Но друг человечества с шаткостью нравственных оснований есть людоед человечества, не говоря уже о тщеславии..."

В "Дневнике писателя" Достоевский предсказывает, что, уничтожив идею Бога, человечество незаметно для себя дойдет до антропофагии. В противовес этому безбожному гуманизму Достоевский выдвигает "христианский гуманизм", который утверждает абсолютную ценность человеческой личности не самой по себе, а как образа и подобия Божия. Он вкладывает в уста Вертера проникновенные слова: "Боже, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне".

"Смирись, гордый человек", - взывал Достоевский в своей речи о Пушкине. Этот призыв слишком часто истолковывался левой частью нашей общественности как призыв к послушанию власть имущим. Но между покорностью и смирением есть громадная качественная разница. ***Покорность бывает перед силою, смирение - перед ценностью. Смирение в этом смысле есть высшая форма свободы.***

Выражаясь языком философии, Достоевский был персоналистом, а не индивидуалистом. Персонализм же сочетает утверждение личной свободы с императивом служения обществу и тому, что выше общества. Христианство Достоевского чуждо прекраснодушию. Вера Достоевского - не слепая вера, а "прошедшая через горнило сомнений". "Мерзавцы упрекают меня в ретроградной вере в Бога, - писал Достоевский. - Этим олухам и не снилась та глубина отрицания, которую я вывел в "Инквизиторе". И они хотят учить меня".

6. Лев Николаевич Толстой понимал роль учения Христа совершенно отличным от других образом: "Иисус положил основание новому обществу. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат своим хозяевам. Князья и сильные мира давили народ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он учит их тому, что, будучи равными перед Богом, люди свободны, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода, божественные законы человеческого рода, ненарушимы, что власть не может быть правом; что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя ввиду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус" (Круг чтения. 9 марта (Война).

“Мы удивляемся тому, как извращено было христианство, как оно мало осуществлено в жизни, а между тем разве это могло быть иначе с учением, которое своим требованием поставило истинное равенство людей: все — Сыны Бога, все братья, жизнь всех одинаково священна. Истинное равенство требует не только уничтожения каст, званий, преимуществ, но уничтожения главного орудия неравенства — насилия. Равенство не может быть осуществлено, как это думают, гражданскими мероприятиями, оно осуществляется только любовью к Богу и людям. Любовь же к Богу и людям внушается не гражданскими мероприятиями, а истинным религиозным учением.

То, что люди могли впасть в грубое заблуждение о том, что свобода, братство и равенство могут быть введены казнями, угрозами казней, насилием, не показывает того, чтобы то, к чему стремились люди, было неверно, а только то, что был неверен тот путь, которым заблуждающиеся люди пытались осуществить свободу, братство и равенство” (“Круг чтения”. 17 февраля (Равенство).

Писалось это до и во время Первой русской революции. Сегодня, когда прошло сто лет, вспоминая насмешки над Толстым, злым гением нашей страны, мы видим, как время подтвердило правоту гениального мыслителя земли русской.

Но это еще не все, что можно привести из размышлений его о Христе. “Вы спрашиваете, в чем главная сущность в характере Христа. Я отвечаю, что это — Его уверенность в величии человеческой души. Он видел в человеке отражение и образ божества и потому любил человека, кто бы он ни был...” (15 января. (Вера).

“Христианское учение о совершенстве есть то единое учение, которое может руководить человечеством”. (11 мая. (Идеал).

“Нужно высвободить ту религию, которую исповедывал Иисус, от той религии, предмет которой есть Иисус. И когда мы узнаем состояние сознания, составляющего основную ячейку и начала вечного Евангелия, надо будет держаться его” (20 декабря. (Приближение Царства Божия).

Литература:

Учебники:

1. История русской философии. Учебник. МГУ. Ред. Маслин М.А. УМО. 2008.

2. Философия. Учебник. УМО. В.В. Миронов. М. 2008.

3. Философия. Учебник. Минобр. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратников. Только 4-е изд. 2008.

4. В.В. Зеньковский. История русской философии. В 2-х томах. Т. 1. - Феникс. 1999.

5. Н.О. Лосский. История русской философии. М. 2007.

6. Б.В. Яковенко. История русской философии. М. 2003.

7. С.А. Левицкий. Очерки по истории русской философии.

Дополнительная:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа.
2. Достоевский Ф. М. Бесы. Любое издание.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы.
4. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. – М. Эксмо, 2007.–896 с
5. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. Круг чтения. М. 1998.

Задание: Найти произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» часть 2, глава V «Великий инквизитор» прочесть и сделать анализ по следующему плану:

1. Рассказать о содержании легенды.
2. В чем состоит тайна инквизитора?
3. Какую судьбу инквизитор предрекает человечеству?
4. Почему Иисус Христос поцеловал инквизитора?

Вопросы для обсуждения:

1. Откуда возникло в русской философии движение почвенников?
2. Каковы философские взгляды Н.Н. Страхова?

- Как вы понимаете слова Страхова:

- "Легче человеку поклониться злу, чем остаться вовсе без предмета поклонения».

- "Потребность действовать в современном человеке иногда даже сильнее, чем потребность верить, и поэтому он даже жертвует собой тому, во что почти не верит".

- "Люди не одумаются и не остановятся до тех пор, пока не изживут нынешних понятий и на деле, в жизни, не испытают того, к чему ведут их теперешние желания. Поэтому можно предвидеть внешние бедствия, страшные потрясения. Люди долго будут слепы и не будут внимать самым ясным урокам, самым горьким опытом".

3. Как Данилевский понимал культурно-исторические типы?

(Человечество, по мнению Данилевского, - только абстрактная идея. Реально существуют лишь культурно-исторические типы. Всякие разговоры о превосходстве той или иной культуры, по его мнению, беспредметны.)

4. Каковы культурно-исторические типы по Данилевскому?

(Он насчитывает восемь: египетский, китайский, ассиро-вавилонский, еврейский, греческий, римский, романо-германский и славяно-русский. Древние цивилизации он называет "одноосновными", так как в них была развита одна только сторона культуры. Так, еврейская цивилизация была по преимуществу религиозной, греческая - эстетически-научной, римская - политически-правовой. Романо-германская цивилизация - трехосновная, ибо в ней представлены и религиозное, и эстетическое, и политико-правовое начала.)

5. Каковы отличительные черты славно русской цивилизации?

(Грядущая же славяно-русская цивилизация будет первым полным четырехосновным культурно- историческим типом: 1) религиозным, 2) научным, творческим в искусстве, технологическим, индустриальным, 3) политическим, 4) экономическим и общинным (гл. XVII). Россия, по его

убеждению, призвана к тому, чтобы разрешить социально-экономический вопрос, оставшийся неразрешенным в романо-германской цивилизации. Запад предчувствует, что Россия придет ему на смену, и преисполняется рессентиментом (чувством вражды, бессильной злобы) по отношению к ней.)

6. Кто в XX в. продолжил идеи Данилевского?

(Освальд Шпенглер ("Закат Европы") и Тойнби (Исследование истории) пошли дальше Данилевского.)

7. В чем состоит византийский идеал Леонтьева?

(Византийский идеал не имеет того высокого и преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом, знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в способности нашей к полному нравственному совершенству. Знаем, что византийский идеал отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов, что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного вседовольства".

Является полной противоположностью идеалам демократии и социализма, основанным, по убеждению Леонтьева, на вере в "земной рай", на высокой оценке личности и культе всеобщей пользы. Леонтьев был из тех, кто верил в Бога, но отрицал царство Божие на земле, - поэтому он люто ненавидел тех, кто верил в царство Божие на земле, но отрицал Бога.

8. Какой путь западной цивилизации и России предсказывал Леонтьев?

"Тот слишком подвижной строй... очень непрочен. Он должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и совсем уже не либеральных, а крайне принудительных началах. Быть может, явится рабство в новой форме..."

"Социализм теперь неотвратим, - писал он, в противоречии со своими прежними убеждениями, в 80-х годах, - по крайней мере, для некоторой части человечества... но эти будущие победители устроят такую жизнь, что их порядки и законы будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, далее страшнее. Жизнь будущих людей должна быть гораздо тяжелее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях".

"Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по пути всеобщего и, кто знает, - подобно евреям, не ожидавшим, что из недр его выйдет Учитель новой веры, - мы неожиданно, из наших государственных недр, сперва бессловесных, а потом безгосударственных... родим Антихриста".

"Окончить историю, погубив человечество, разлитием всемирного равенства... сделать жизнь человеческую уже окончательно невыносимой - не в этом ли уготовано наше предназначение".

9. Охарактеризуйте этапы пути славянофильства.

Этапы общего пути развития славянофильства, в свете идей Леонтьева, представляются следующим образом. Сначала - утверждение русского православия как универсально-спасительной идеи (Киреевский), затем - через утверждение "родной почвы" (А. Григорьев) к утверждению полного обособления России от Запада (Данилевский). Наконец, попытка возврата к Византии и страшные предчувствия гибели России и всего человечества (Леонтьев).

10. В чем состоят заслуги Ф.М. Достоевского перед философией?

(До всякого психоанализа показал, насколько неправомерен "просвещенский" миф о человеке как о существе якобы по преимуществу разумном; он показал, насколько сильны в нем разрушительные, демонические силы подсознания. "Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве".)

Темами Достоевского живет русская философия, и темы эти, после Ницше и экзистенциализма, стали родственными философии Запада. Все философы-экзистенциалисты (особенно Сартр) видят в Достоевском своего великого предшественника.)

Страстное обличение противоестественности и аморальности социализма становится теперь главным делом Достоевского. Атеистический социализм является лишь одной из форм общего недуга западной культуры. Он пророчески предвидел кризис и крушение безбожного гуманизма, неизбежно оборачивающегося антигуманизмом. Пути зла: стяжательство и индивидуализм. Беспредельная свобода ведет к богоборчеству, к формуле "все дозволено", к аморальной морали сверхчеловечества, приводящей личность, парадоксальным путем, не к возвеличению, а к нравственному саморазрушению. Человек, восставший против образа Божьего в себе, восстает этим самым и против своей сокровенной сущности.

Теория Раскольникова о "праве на преступление" для людей, стоящих по своему развитию выше толпы. Теория эта предвосхитила основные контуры учения Ницше о "сверхчеловеке". *"Не старушонку я убил, я себя убил", - говорит он.*

"Совесть без Бога есть ужас, - писал Достоевский в своей "Записной книжке". - Она может довести человека до величайшего преступления". Ибо, "ведь это разрешение преступить через кровь по совести страшнее обычных преступлений", - говорит в самом романе Разумихин.

Лозунг "свободы совести" приводит, будучи односторонне понят, к "свободе от совести". Один из самых могучих соблазнов зла заключается во внушении мысли о применении злых средств ради достижения доброй цели. (Добро с кулаками.)

"...Я запутался в собственных данных... Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом".

"Инквизитор твой не верует в Бога..." - говорит он Ивану. Сам Инквизитор признается Христу: "мы не с Тобой, а с ним".

"Если Бога нет бессмертного, то нет и никакой добродетели", и тогда "все дозволено".

Не питающееся божественным вдохновением человеколюбие легко вырождается в человеконенавистничество.

"Христианский гуманизм", который утверждает абсолютную ценность человеческой личности не самой по себе, а как образа и подобия Божия.

11. «Великий инквизитор»

1. Рассказать о содержании легенды.
2. В чем состоит тайна инквизитора?
3. Какую судьбу инквизитор предрекает человечеству?
4. Почему Иисус Христос поцеловал инквизитора?